

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94(470)"15"

**Казачи Русского Севера в связи с процессами миграций на
восточные окраины Русского государства в XVI веке**

Бахтов В.В.¹

Аннотация. В статье рассмотрены социальные процессы на Русском Севере, которые привели к миграции в Предуралье, на Волгу и р. Урал, а также вопрос культурно-исторических связей старожилов Русского Севера с старожилами русского народа в нижнем течении Волги и р. Урал.

Ключевые слова: Русский Север, Коми край, Прикамье, Нижнее Поволжье, река Урал. Плавные казаки, ратные казаки, казаки-работники, уральские казаки, старожилы Нижнего Поволжья.

**The Cossacks of Russian North in connection with the
processes of migration to the eastern outskirts
of the Russian State in the XVI century**

Bakhtov V.V.¹

Abstract. The article examines the social processes in the Russian North, which lead to the movement to the Trans-Ural, the Volga and the Ural rivers, as well as the issue of cultural and historical ties of the old-timers of the Russian North with the earliest settlers groups of the Lower Volga and the river Ural.

Keywords: The Russian North, The Komi region, The Prikamye, The Lower Volga river region, the Ural river region. The Plavnye Cossacks, the Ratnye Cossacks, the Cossacks-workers, the Ural Cossacks, the earliest settlers of the Lower Volga river.

¹*Бахтов Владимир Валерьевич. Историк, преподаватель филиала Московского политехнического университета, ул. Б. Семеновская, 38, 107038, г. Москва, Российская Федерация.*

Bakhtov Vladimir Valeryevich, historian, lecturer at the branch of the Moscow Polytechnic University, B. Semenovskaya str. 38, 107038, Moscow, Russian Federation.

E-mail: bahtov70@mail.ru

© **В.В. Бахтов**

Активная внешняя политика Ивана IV привела не только к изменению конфигурации государственных границ, но и к активизации миграционных процессов. В результате падения Казанского и Астраханского ханств на новых землях в Северном Прикаспии развернулась широкая русская колонизация. Переселенцы, представляющие самые разные, в том числе северно-русские, локальные группы русского народа устремились в Нижнее Поволжье. Они не были единственными на Руси в то время, кто носил получивший популярность соционим «казак». Как это ни покажется необычным, казаки во времена Ивана IV были хорошо известны на Русском Севере. И такое совпадение, насколько представляется, не было случайным, о чём предлагается разобраться в настоящем исследовании.

Первый случай появления термина «казак» на севере Руси относится к 1485 году. При заключении мирного договора под городком Усть-Вымь с вогульскими князьями среди возглавлявших русскую сторону договорщиков фигурирует сотник «Вычегодские земли пермский» **Алексей Козак** [16, С. 263]. Этому миру предшествовал поход русского войска в 1483/84 г., в связи с нападением воголов на пермян, т.е. коми-зырян. Первоначально может создаться впечатление, что именование сотника Алексея казаком придаёт ему статус главы некоего казачьего отряда, учитывая насколько тесно исторически были связаны термины «казак» и «сотник». Однако

в XV в. сотником на Руси могли называть военачальника ополчения или даже вполне гражданское лицо, занимавшее должность выборного управителя крестьянской округи, численностью не менее ста дворов.

Стоит учитывать, что термин «казак» нередко встречался в новгородских документах XV века. В том же, 1485 году, среди жителей погоста Дегожский (рядом с Великим Новгородом) назван Васко Казак. В.П. Строгова заключила, что анализ новгородских памятников XV-XVI вв. позволяет видеть в слове «казак» значение «безземельный крестьянин, не несущий самостоятельного тягла, наёмный работник» [52, С. 166]. В приходно-расходных книгах Антониева Сийского монастыря за 1575 год говорится о казаке, получившем плату за наём: «Жил в Осеретке (Устюжский уезд) казак, жила (зарплату) дал ему 11 алтын» [48, С. 111]. Весьма любопытно, что на севере в казаки (например, «казак-полудетник», или «казачка-вселетница», т.е. на всё лето) нанимались вплоть до XX века (*вологодская губерния*, 1902 г.) [46, С. 198]. Вологодский краевед XIX века Н.А. Иваницкий писал об этом явлении: «Если муж ушел на заработки, жена вправе требовать от него денег на уплату податей и на жалованье казаку. Казак ...не живет в семье. Это наемный работник с лошадей, обязанность которого делать всю годовую работу. Ему платят 9 р. с души; он ест, пьет и ночует (у себя) дома» [25, С. 63]. В этом же значении этот термин был зафиксирован в Сольвычегодске [47, С. 307]. В случае с Алексеем Казаком несоответствие его весьма высокого статуса с непрестижным прозвищем можно объяснить прежним родом занятий.

В 6976 (1468) г. сообщается об устюжском ватамане Саве Осееве, погибшем на Каме в бою с татарами [38, С. 119; 56, С. 87]. Обычно атаманов связывают с казаками. По пути на Казань в войско набирали воинов из Галича, Вологды, Устюга. Однако упомянутые среди воинов казаки, судя из контекста, вышли в поход из Москвы и не были связаны с погибшим ватаманом из Устюга.

§ 1.1. Казаки Русского Севера. Как свидетельствуют документы, в середине XVI века на Беломорском побережье, помимо крестьян, жили наёмные работники-казаки, которые не платили тягла. В основном, это была беднота, которую эксплуатировали монастыри и состоятельные крестьяне. Они не чурались самой разной работы, чаще всего нанимаясь на

солеварные предприятия в монастырские хозяйства, чем к крестьянам-промышленникам [23, С. 109]. Имея в виду наёмный характер труда казаков, В.И. Даль и А.А. Савич даже называли их пролетариатом. Со слов приказчика Калинника, в Кемской волости казачки «на монастырь всякое поделье труждаютца, (рыбный) забор делают». В Соловецкой монастырской вотчине казаки были временными или сезонными рабочими. Монастырь мог нанять казаков на лето (до Покрова) с оплатой около 1 руб. [41, С. 188, 221, 246]. Судя по Уставной грамоте от 1564 года, казаки в Сумской волости работали в сфере производства соли, нанимались кузнецами, плотниками, дровозовами, «в варницах дрова секли, а летом ходили на море наймующися», не имея при этом своей доли в угодьях или рыбных ловлях [2, С. 304; 23, С. 102, 143-145]. В Спасо-Прилуцком монастыре (в 5 км от Вологды) казаки нанимались «на дворех всякое монастырское дело делати», в казаки-косцы, варить соль на соляных промыслах, в «лодейные» работники перевозить соль [23, С. 146, 148]. В приходно-расходной книге Антониево-Сийского монастыря 1639 года отмечено, что в Холмогорском уезде казаки также нанимались в рейс лодейными работниками [49, С. 19]. Занимались казаки доставкой груза речным путём и в Шуерецкой волости. В Писцовой книге С. Корекова от 7077 (1569 – В.Б.) года говорится, что жители волости Гавриловы «ходили на лодьях в казаках» (Соловецкий архив). В Маслоозерской волостке в 1591 году «люди середние» О. Логгинов и его сын занимались рыболовством, а «у них проживал казак Гридя. Крестьянин Нефедко Шерсть, сеявший осьмину ржи и косивший 5 копен сена, ходил на лодьи в казаках» [41, С. 187].

Аналогом казаков были варничные ярыжки: подручные работники при поваре (солеваре), чернорабочие. Они рубили и сплавляли дрова, грузили соль на суда [23, С. 50; 12, С. 64]. «Судовые ярыжные люди» были гребцами на речных и морских судах, бурлаками и грузчиками [10, С. 561]. Судовые ярыжки работали на соляных судах в Соли Вычегодской, Соли Камской [11, С. 39; 55, С. 144]. Соляной караван шёл на монастырском соловецком дощанике Сухоно-Двинским водным путём с Вологды до Холмогор и назад, а «тяглые ярыжки», как бурлаки, тянули судно лямкой вверх по реке [41, С. 143, 145]. Как и за казаков, за ярыг вносили пошлину («казачьи деньги») в Соли Камской, в Нижнем Новгороде [55, С. 144].

В XVI веке добытую в Поморье соль свозили в Холмогоры, Каргополь, Турчасово и Вологду, где таможенники держали до 60 казаков-чернорабочих. Потом купцы развозили соль по всей Руси [23, С. 100; 41, С. 134]. В расходной книге Спасо-Прилуцкого монастыря от 7094 (1586 – В.Б.) года говорится: «на двинской товар ...взяли у казначия у Филофия 5 руб... на подъемные казаки и на харч», «Покупали на Вологде товар на двинские суды ...Стахей да Яким дали с вологоцкие продажи подъемных казаком с подъему с 1011 рогож 5 руб.» [15, С. 57-58]. В Турчасове подъёмные казаки набивали соль в кулирогожи и погружали её на дощаники и насады [41, С. 134, 141; 2, С. 201]. Ю.А. Чайкина объяснила, что казаков называли подъёмными, поскольку на стройке они носили стройматериалы [57, С. 73].

На солеварнях Соли Камской работало много выходцев с Русского Севера. Например, имевшие варницы в Нёноксе братья Суровцевы обосновались у Соли Камской [23, С. 125, 144]. Весьма показательно, что в 30-х годах XVII века из 99 рабочих варницы Никитникова в с. Веретя (Соликамский уезд) было выходцев из Устюга 25 человек, Соли Вычегодской – 22, Важского уезда – 18, Двинского уезда – 7, Мезени – 7, Вымского уезда – 3 [55, С. 209]. Более того, в Пермском крае фиксируется значительный пласт прозвищ и фамилий северно-русского происхождения (например, Важанин, Варзуга, Верхолалец, Вологжанин, Каргополец, Колмогорец, Лалетин, Мезенец, Пинежанин, Поморец, Сольвычегодской, Сысоленин, Устюжанин и др.) [33]. В результате заселения Прикамья в XVI веке выходцами с Русского Севера у местного населения даже сложилась топонимическая традиция считать его частью Поморья [39; 23, С. 152].

Переселенцы использовали речной путь из Северной Двины в Приуралье. Через волок в притоках Вычегды они попадали в верховья реки Колвы, которая впадает в приток Камы – Вишеру. Северяне приносили в Приуралье культурные традиции и диалектные особенности. Для преодоления речных путей лоцман-кормщик был обязан знать все характерные особенности северных рек, для чего требовалось использовать речную терминологию. На водной магистрали они пользовались, например, такими профессионализмами-регионализмами, как: вода белая, бегучая, большая, верховая, вольная, живая, лёгкая, малая, матёрая, сочная, сухая; брус (возвышение),

быстреть, быстринка, глазина, глыбь, забурунье, заводь (водоворот), задеба, закосок, залив (низина), залой, занога, заплав, заплеск, заструга, карша, леденец, ледина, молодой, моряна (прилив), перевал (перекат), плёсо, поводи, прогал, продух (продушина во льду), россыпь (мель), сало (лёд), суводи, труба (часть русла), увал (часть русла) (всего около 80 терминов). Состояния погоды обозначались терминами: ведро, замолаживать/ся, засиверка, мокреть, относный (ветер) и прочие. Через водяные артерии носители традиций северного судоходства принесли на Волгу и Яик-Урал в том числе водницкие термины финно-угорского происхождения: *уральские казаки*, *поволжье очко*, *очок*, *очка*, *чка*, *поволжье шуга*, *пом. шуга*, *шуг* < *саам. чаккь* 'ком (снега)'; *уральские казаки редель*, *ридель* 'водное пространство среди зарослей камыша или другой растительности', метатеза *северные русские. райда* 'заросший ивой участок водоёма', *вологодская область райда* 'ива' < *фин. reed* 'камыш, тростник' и *местный густель* 'густые заросли чего-либо'. Кроме используемых как в Подвинье, так и в Нижнем Поволжье таких названий речных судов, как буса, дощаник, каюк, неводник, плоскодон/ка, посуда, посудина, сажалка, струг, также употреблялись названия конструктивных частей и приспособлений: бабайка (весло), вага, нашесть, плица, побочина, правило, уножи, шейма и прочие [6; 30-32]. Впоследствии многие из этих терминов вошли в общерусский и профессиональный словарь моряков.

Из Коми края в Северный Прикаспий попали диалектизмы: *крылёна* (местное 'мерёжа'), *возьма* (местное < коми *розь* 'дыра', диалектное коми *бшмбс* 'прорубь'), *сарма* < *хант. сарэм* 'мель', *шалыга* (печорская 'мель' < *саам. цузгкь* 'мель'), *яр* < коми *јір*, *йир* 'омут'. Плавная сеть в Коми крае называлась *плавня*, и таким же термином на реке Урал называли вид коллективного рыболовства.

§ 1.2. Проблема происхождения монастырских казаков Русского Севера. Естественно, возникает вопрос: кем были по происхождению казаки Русского Севера в монастырских вотчинах? По утверждению А.А. Савича, на монастырских варницах и усолях Поморья использовался труд нанимавшегося в казаки как местного населения, так из более далёких сёл и даже из центральной России, причём прибывали целыми группами и со своими семьями [41, С. 244]. Скорее всего, практика привлечения вольнонаёмных рабочих на севере,

называемых казаками, распространилась из монастырей центральной России. Например, работники-казаки трудились на соледобыче в суздальской вотчине Троице-Сергиева монастыря, где они подряжались в варницы, в повары, в водоливы, рубили и возили дрова [51, С. 39; 2, С. 179]. В жалованной грамоте Ивана IV Троицкому Сергиеву монастырю от 1543 года казаки на монастырских соляных промыслах названы «приходцами»: «у Новыя Соли на Холую (с. Холуй, Южский район Ивановской области), в Ряполовском Стародубе, варницы и трубы (россолоподъёмные)... и двор Благовещенской Киржацкой, а кто у них учнет жити... во дворах, повары и водоливы и всякие казаки, и наместницы наши волостели и тиуни тех людей (пусть) не судят» [2, С. 178-179].

В Уставной грамоте Соловецкого монастыря 1548 года сообщается, что казаки приезжали в Виремскую волостку на промысел: «А приидет каков казак незнаемой, или и преж сего живал, а похочет... промышляти» [2, С. 210]. По мнению Е.И. Заозерской, казаки эти были независимыми от монастыря, приходящими со стороны, которые заключали устный договор с монастырём-работодателем [23, С. 27]. По заключению краеведа начала XX века Г.К. Богуславского, казаки по Уставной грамоте 1548 года в Виремской волостке были гулящими, пришлыми, не имевшими оседлости [9, С. 72]. За выпивку и азартные игры «прихожих казаков» полагалось «выбити из волости вон». За ними полагался надзор и домохозяевам надлежало докладывать властям в случае их прибытия, убытия: «каков казак ...похочет ...промышляти и у коего человека станет жити и тому человеку с ним идти к приказщику дати две московки» [2, С. 210-211]. По замечанию краеведа, в грамоте 1564 года, в отличие от грамоты 1548 года, казаки той же местности (Виремская и Сумская волости) выступают уже, как оседлые [9, С. 72]. Этот тезис косвенно подтверждается тем, что по грамоте 1564 года для распределения волостных розрубов (раскладка налогов) в состав комиссии входили два представителя от казаков [2, С. 303-304].

По прибытии в усолье «прихожие» казаки жили в отдельных от духовенства домах – «казачьих избах», где в среднем жили 2 семьи, были и бани для казаков. В крупных усольях (например, Пилья Губа) были даже «казачьи слободки» [23, С. 143; 41, С. 103]. Казачьи дворы были известны в Сумской и в соседних волостях. По данным писцовых книг П. Карташова

и В. Морева за 1552/53 год, в Кемской волости в 96 дворах жили 146 тяглых крестьян и 63 казака [3, С. 114]. Богуславский отмечает, что, казаки владели усадьбой, занимаясь торговлей и промыслами, а земельного владения у них не было [9, С. 72]. Кроме монастырских хозяйств, казаки жили на подворьях стрельцов, охранявших Соловецкий монастырь, а их наёмный труд использовался в земледельческом хозяйстве [41, С. 110, 223]. Тем самым, какая-то часть прибывших из других мест на заработки казаков оседала на Севере, но, не имея собственной пашни, нуждалась в заработке [23, С. 143].

§ 1.3. Соотношение казаков Русского Севера с другими социальными категориями населения. По социальной природе и роду занятий с казаками довольно тесно были связаны бобыли. М.Ф. Владимирский-Буданов сближал **бобылей** с подсосудьями, половниками и козаками (т.е. батраками). Как и у казаков, у бобылей были дворы, но своей пашни не было. Их личные права не были ограничены, но по факту они были зависимы от хозяина [13, С. 145]. По В.И. Далю, бобыли могли быть захребетниками и батраками, т.е. работать по найму [19, С. 101]. Казаки тоже работали по найму или занимались ремёслами. По определению В.А. Пономарёва, бобыли были нетяглыми крестьянами и до 1630-х годов свободны от податей [40, С. 43-44]. В отличие от крестьян бобыли платили не тягло, а денежный оброк «бобыльщину». По Уставной грамоте от 1548 года крестьяне платили «поминки» со двора и луков (участок для промысла у водоёма) 7 денег, а бобыли и сумские, шиженские, виремские, с Сухого Наволока и со Слободки казаки – вдвое меньше [2, С. 209-210]. При желании бобыль мог стать тяглым крестьянином и, наоборот, крестьянин мог перейти в бобыли. Однако А.А. Савич отмечает нежелание бобылей быть крестьянами, чтобы избежать тягла.

Социальное положение бобылей и казаков не было однородным. Среди бобылей были люди состоятельные, занимавшиеся «торшком и всякими промыслами». В Куземе в 7107 (1599 – В.Б.) году жила казачья беднота, с которой монастырь мог взять оброк только по алтыну с человека, да по 3 деньги тиунского и доводчикова сбора, но там же жили казаки «животом прожиточны», которые занимались торговлей, и поэтому облагались оброком. Были известны случаи, когда бобыли проживали во дворах казаков (например, в Лямецком усолье), но были случаи, когда бобыли держали у себя казаков. Были

случаи, когда разорявшийся бобыль становился батраком-казачком, несмотря на то, что у него был свой «дворец», в котором он реже стал жить, поскольку ходил по разным усольям и службам в поисках работы. Известны случаи, когда казачок становился бобылем. По замечанию Савича, несколько не должен смущать тот факт, что иной казачок был зажиточнее бобыля, а бобыль мог жить состоятельнее крестьянина [41, С. 176, 238-244]. Естественно, возникает вопрос: в чём было отличие бобылей от казаков? Зачастую и с казаков, и с бобылей взималась одна и та же пошлина «казачья» [23, С. 100]. Уставной грамотой 1548 года в монастырских волостях (Виремской, Шизненской, Сумской и др.) с проживающих по чужим подворьям бобылей и казачков установлен оброк – 2 деньги с души ежегодно [2, С. 209-210]. Однако в других случаях разница была, когда бобыль платил оброк со двора в год по гривне (т.е. 20 денег), а казачок – с души по одному алтыну (6 денег) [41, С. 244].

В отличие от крестьян, не имевшие земли казаки не платили «**обежные деньги**» (платежи, которые брались по обжам. Обжа – новгородская единица обложения крестьянских хозяйств). Казаки, владевшие усадьбой (двором) и имевшие лошадей и коров, должны были платить выть (участок земли, принятый за условную единицу обложения), но не целую, а «по рассуждению, кто чего стоит» [23, С. 109]. Такие налоги как: наместничьи, дьячие, на старост городских, целовальничьи, полонянником на окуп, пищальные, посошные, в городское дело, в мостовщину, хлебные деньги и сборы в пользу должностных лиц, грамота от 1564 года устанавливала для казаков «по рассуждению, кто чего стоит». Савич заключает, что казаки были результатом дальнейшего разорения крестьянина и нужда заставляла его идти работать по крестьянским дворам, либо в монастырские усолья. При сборе налогов отношение крестьян к казакам и бобылям порою становилось напряжённым. Так, в жалобе Соловецкого монастыря в Москву от 1613 года говорится, что керецкие волостные крестьяне соловецких бобылей и казаков изгоняют, чтоб они на их чети не жили и на соляном промысле не промышляли [41, С. 242-244].

§ 2. «Плавные казаки» на Русском Севере. Кроме монастырских и вольнонаёмных плавных казаков, были ещё казаки, которых набирали в Зырянском крае для государственных нужд. О них говорится в грамоте Ивана IV от

6.04.7090 (1582) г., посланной в Еренский уезд. До 1586 года уезд назывался «Еренский городок и уезд» и состоял из волостей: Вычегда Яренского городка, Вымь, Удора и Сысола. Грамота фиксирует порядок предоставления государству плавных казаков для несения ямской службы, а также способ взимания налогов. Еренские челобитчики жаловались на соседей «усольцев», т.е. администрацию Усольского уезда в Соли Вычегодской. Ранее указом царя для Усольского и Еренского уездов постановили набрать плавных казаков, предоставив уездам самим распределять между собой доли по количеству сох в каждом из уездов. Однако усольцы, установив для себя «3 доли в сборе плавных казаков», «накинули» на яренцев собрать непропорционально большее число казаков. В 7086-м (1578 – В.Б.) году яренцы пожаловались царю, что им «платить плавные казаки лишние сверх своих за» усольцев «не вымогу». Тогда царь велел во всём разобраться дьяку А. Арцыбашеву. Как показала проверка, усольцы «уезду (Еренскому) чинят обиду и ...взметывают казаков лишек (излишек), не по сохам», «мимо нашего указа». Царь в произволе винил Строгановых, которых заподозрил в манипулировании усольцами, за что наложил пеню. Усольцев предупредили, чтобы за «плавные казаки платить, розчитаясь по сохам вправду (т.е. без обмана)», и на яренцев «лишка взметывати не велели» [24, С. 436-440]. Вероятно, подобного рода казаки несли службу в соседнем Холмогорском уезде. 29 июня 1581 года на Куростровскую волость наложили повинность набрать казаков «в судовой наем и в казачей наем в подводды» для перевозки меди, свинца и серы, которые поставил в Россию купец из Антверпена Иван Девел (Ян де Балле) [27, С. 410].

Социальную природу яренских казаков можно объяснить из сложившейся на Руси системы путей сообщения. В XVI в. в целях организации ямской службы старосты собирали с крестьянской общины «ямские деньги», которые шли на содержание ямщиков либо на наём «ярыжек» (ямские ярыжные люди) с подводами для перевозки госслужащих и казённой почты. В отличие от ямщика, который получал годовое жалованье и фураж, ярыжки нанимались на определённый срок или отдельную поездку. По всей видимости, о такой службе идёт речь в грамоте великого князя Андрея Александровича, где говорится о поездке его трёх ватаг в конце XIV века на Терский берег, проезд которым обеспечил «ватаман Ондрей Критцкий»,

для чего ему обеспечили «корм и подводы, по пошине, с погостов» [2, С. 1]. Очевидно, служба плавных казаков из Еренского и Усольского уездов в неблагоприятный для поездки сухим путём сезон была плавной (судовой), ведь пробираться в то время по северу было непросто. Не зря Герберштейн писал о здешних краях: «по причине частых болот и рек, сухим путем туда можно добраться только зимою, летом же этот путь совершить легче на судах через Вологду, Устюг» [17, С. 134-135]. Более чем вероятно, в плавные казаки могли набираться те же самые казаки-батраки. Как бы там ни было, «те плавные казаки по тому их насильству по ся места платили, животишка де свои исценили (т.е. обеднели) в конец де взгибли, многи де от того разбежались». От обнищания плавные казаки на ямской службе были вынуждены искать лучшей доли в других краях, в том же Прикамье. Более того, «Басаргин правёж» 1568 года, «Двинский иск» 1569-1570 годов, «немецкая война» 1579-1580 годов в купе с тяжёлыми повинностями и поборами, периодическими недородами приводили к запустению селений Беломорского побережья, когда разорялись даже состоятельные люди, о чём, например, сообщается в переписях: «Списке с писцовых книг письма и дозору В. Огалина» за 7082 год (1574 – В.Б.) и в «Книге Шуерецкие волости лета 7097 (1589 – В.Б.), составленной И. Овдуловым» [41, С. 59-60, 223, 225].

§ 3. Ратное дело казаков Русского Севера. В случае ведения Москвой военных действий податному населению надлежало предоставить определенное число ратных людей и выплатить деньги на их содержание – «службу ратчину» [2, С. 303-304]. В актах нанятых на войну плавных казаков часто именовали «ратными казаками» или просто «казаками». Согласно «Росписи по полком», для битвы при Молодях в 1572 году Строгановы прислали своих казаков. «Оникиевых детей с трех 1000 человек с пищальми казаков» зачислили в Большой полк под началом головы И. Кобякова и Ю. Тутолмина. «Число очень значительное, – резюмирует дореволюционный историк С.М. Середонин. – Спрашивается, сколько же казаков они держали у себя на службе, если выставляли тысячу человек?». В Большом полку также названы галичане, коряковцы, костромичане, балаховцы и тысяча «наемных казаков» (судя по «Наказу М.И. Воротынскому», это были «польские» наемные казаки, т.е. из степного пограничья) [21, С. 170-171]. В Большом же полку назван донской атаман «Мишка Черкашенин с казаки»

[42, С. 53, 58-59]. В других полках наряду с разными воинами были казаки из южнорусских городов, Смоленска и донцы. Кроме того, 31 июля для отпора крымцам новгородцы собрали «наряд государственной» с «пушки и ядра», «телеги ...двоеколкы, и с лошади» и «в лодии **казаки Новгородские**» и «давали казаком на день по пяти денег и по два алтына» [37, С. 172-173].

Больше всего сведений об участии северных казаков в военных действиях встречается в документах времён Ливонской войны. В 1579 году в северных уездах были наняты 150 казаков и стрельцов под началом воеводы М. Озерова [41, С. 55]. В связи с началом войны на севере в 1580 году царь велел собрать подъём – одноразовый чрезвычайный военный налог. 1 января 1582 года волостные люди докладывали из Соловецкого монастыря, что приехал государев посланник С. Фролов и забрал «государевы деньги» 4000 рубублей за поплавных казаков «сверх всяких двинских четвертных доходов годовых» [28, С. 95]. В царской грамоте от 6 апреля 1582 года сообщается о «походе в немцы» в 7088 (1579/80) году, когда московские власти послали своих агентов в Еренский и Усольский уезды «казаков брать» из среды «плавных людей/казаков». Набор казаков на войну не обошёлся без эксцесса. По результатам проверки государев пристав Б. Кокорев сообщал царю, что администрация Соли Вычегодской была в сговоре с Строгановыми, которые не хотели отдавать на войну рабочие руки и деньги на содержание ратных казаков, стараясь переложить часть груза обязательств на соседей яренцев [24, С. 441]. По отписи от 15 мая 1583 года сотник П. Фёдоров взял денежный сбор с Борисоглебских земель на Лодме «в [розходы] ратных казаков [в] наем» на 4 месяца». 15 мая 1583 года сотник С. Миронов взял «с Ладомы в два розруба (налог для расходов на государственные нужды) за Егорьевскую землю ...по десяти денег с верви на ратных казаков, наем на 4 месяца, по полтины на месяц на человека» [22, С. 104].

Аналогичным образом на севере Руси набирали в «казаки» для Русско-шведской войны 1590-1595 годов. В отписи от 2 октября 7098 (1590 – В.Б.) года сборщик Матигорской волости А. Шангин получил с лодомских крестьян Борисоглебских церковных деревень деньги за наём «ратним казаком, што наняли идти в Каенские немцы, по семи рублей на человека» [4, С. 138-139]. В разрубном списке от 17 сентября 1589 года в Куростровской волости также собирали дань для

найма ратных казаков, «за лук и за стрелы и за пищали и за все ратное оружие и в судовой наем» [27, С. 416]. О казаках в Коле во время этой войны говорится в Соловецком летописце за 13 августа 7099 (1591 – В.Б.) года: «приходили свийские немецкие люди (шведы) на Мурманское море к Кольскому острогу Туломою рекою в малых судах, воеводька Ганш Лерсон (Ханс Ларсон) ...приступали к острогу с приметом... в Кольском остроге был государев воевода В.Ф. Загрязской, а с ним людей колских стрелцов 30 человек да иногородцов торговых людей и кольских жильцов и казаков, всякого человека 1700» [54, С. 232].

Из платёжного документа от 1590 года узнаём, что староста Н. Окулов взял на содержание ратных людей у казначея Строкинской пустыни Спасо-Прилуцкого монастыря (город Каргополь) И. Ковригина 5 рублей «с монастырских с деревень в **ратные казаки**, что ходили ратные в Каянские Немцы с паном Севастьяном воевати 400 человек со всея Каргопольския земли и что оне после сроку ратные на службе стояли» [5, С. 228]. В.И. Корецкий делает вывод, что таким способом ряды городских казаков пополнялись из тяглого населения. Все эти способы комплектования постепенно оттесняли городских казаков от вольных и сближали их с другими служилыми людьми по прибору [28, С. 89]. Как сообщает Соловецкий летописец, зимой 7100 (1592 – В.Б.) года состоялся поход русской армии под началом воевод кн. Волконских, А. Аничкова, «головы **казачей**» города Колмогоры Богдана Матова и 5 атаманов «**казачьих вольских и даньских и терских**», панов (Севастьян Бельский, Войтех и др.) с участием 90 «сербян» и черкасов, 90 донских, «вольских» и терских **казаков**, 150 человек «с поморских волостей и с озерок», 40 «**вольных казаков**». Всего из Сумского острога в «Каянские немцы» вышли 3000 воинов [54, С. 233-234]. По списку Сол 22, под руководством стрелецкого головы «Колмогор Нового города (т.е. Архангельска)» Аничкова были 40 «черкас канемских (из Канева), 10 донских казаков, да с ними же Каргопольские земли 400 ратных людей, да Двинские земли с Колмогор ратных людей 400 человек, да с соловецкие вотчины из Сумские волости 100 человек, да охочих казаков 50». [29, С. 241]. Стало быть, «вольные казаки» Севера воевали плечом к плечу с волжскими, донскими и терскими казаками против шведов и тем самым могли обмениваться профессиональными навыками. После похода войско расположилось «годовать» на

постой в Сумском остроге [54, С. 235]. Поскольку в Сумском посаде находился «голова казачей» Левонтей Лихорев, логично заключить, что среди ста «ратных людей» были казаки. Далее Соловецкий летописец (список Хлуд 184) описывает поход 7101 (1593 – В.Б.) года: «ходили в Неметцкую землю под Шавонской городок (современный Savon linna) атаман казачей Максим Рячин, а с ним вольных казаков 102 человека». В ходе боя атаманы Костя да Максим Рячин «с казаки» разбили шведов и с полоном вернулись в Сумской посад [50, С. 206].

О статусе северных казаков говорится в «Судебнике» за 1589 год, в котором, по мнению А.И. Копанева, казаки в статье 147 – это те же «вольные казаки» в ст. 72, или ратные казаки, т.е. военнотружильные люди на государственной службе на Северной Двине, по социальному положению близкие к детям боярским в центральной части Руси, и содержались за счёт специальных сборов с населения [53, С. 400, 475, 509-510]. На взгляд историка XIX в. И.Д. Беляева, городские казаки набирались при Иване IV из вольных нетяглых людей, большей частью из безземельных батраков, или т.н. «казаков» [8, С. 17]. Таким образом, в случае войны царские власти отбирали «в государевы двинские ратные казаки» из среды работников-казаков Русского Севера.

§ 4. Проблема инфильтрации севернорусской группы переселенцев в Прикаспийский регион. Другим важным аспектом исследования является вопрос проникновения насельников Русского Севера на Нижнюю Волгу и реку Урал в XVI веке.

Одним из доказательств участия в формировании уральского казачества представителей северно-русского происхождения могут быть черты сходства говоров этих двух локальных групп, что послужило причиной для Московской диалектологической комиссии в 1914 году отнести говор уральских казаков к северно-русскому наречию [36, С. 17]. Однако в советское время от этой классификации отказались в пользу среднерусского наречия (в основном из-за такого важного признака как «акание»), признав, тем не менее, их диалект к переходному типу. Кроме достаточно очевидных этнографических и диалектных параллелей локальных групп русского народа на Русском Севере и в Прикаспии, о чём мной говорилось в предыдущей статье [7], на определённые исторические связи указывают материалы переписи яицких

казаков, составленной полковником Б. Змиевым в 1632 году. Из 950 казаков, почти у половины удалось записать место их происхождения, среди которых оказалось 11 выходцев из Архангельской губернии (Гришка Овдокимов, Архангельский город, Родка Микитин, Вычегодской Соли, Кондрашко Давидов, Поморенин и другие), 24 уроженца Вологодской губернии (Левко Иванов, Воложенин, Митька Сергеев, Устюженин и другие), 4 человека из Пермской губернии (Худик Терентьев, Осинец, Июдко Федоров, Соликамской и другие) [26, Прим. I].

Из фамилиекона уральских казаков к числу северно-русских можно отнести фамилию Козаковы (Казаковы). На взгляд филолога А.И. Назарова, фамилия эта известна на Севере и её можно соотносить с термином «казак» в значении «наемный работник», поскольку это толкование может быть объяснено тем, что в формировании яицких казаков принимали участие выходцы с севера России [34, С. 48]. Среди прочих фамилий уральских казаков северно-русского происхождения (напр., Чердынцев, Баушкин, Пролубщиков, Комагоров) встречается хорошо знакомая фамилия Строгановых (Строгоновых).

К специфической, но вместе с тем, репрезентативной группе источников, относятся пейоративы: *вологодская область тумак* 'необщительный, угрюмый' [43, С. 74], *уральские казаки 'дурак'* [32, С. 282]; *вологодская область шатала* 'пьяница' [44, С. 76], *уральские казаки Иван Шатала*; *пермский базло* 'крикун, горлодёр' [45, С. 256], *уральские казаки* 'негодный человек' [30, С. 90]; *вологодская область чалдон* 'глупый, бестолковый' [44, С. 15], *новгородский*. 'неразумительный, упрямый' [35, С. 1267], *северный русский челдон* 'жители с. Усть-Цильма' [14, С. 134, 424], *челдон* 'старожил' (Котласский район Архангельская область; пос. Ныроб Пермский край), *уральские казаки чалдон* 'нелюдимый' [32, С. 411]. К коллективным прозвищам относится пейоратив *казара* 'жители с. Труфаново' (Каргопольский район Архангельская область); 'жители д. Толмачева' (Алапаевский район Свердловская область), *поволжский* 'уральские казаки' [31, С. 149]. Вероятно, термин означал новичка на море, как это, например, зафиксировано на Камчатке [20, С. 73]. Обзывая таким обидным прозвищем яицких казаков, волгари имели в виду, что казаки плохие моряки.

Другим важным аспектом изучения миграции русского населения в XVI веке на восточном фронтире является вопрос

установления вероятного маршрута продвижения первых переселенцев с севера на Волгу и реку Урал, который можно попытаться проследить по местам стоянок воровских казаков. Из допроса атамана Мещеряка 1586/1587 года известно место дислокации казаков в Увеке (сейчас – район Саратова): «сказали атаманы и литва, что послали весть на Волгу, и на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам» [18, С. 45]. Кроме Увека и Волго-Донской переволоки, другим известным средоточием казачьей вольницы были Самарские Жигули. По реке Самаре можно было доплыть до переволоки, у нынешнего поселка Переволоцкий, и по ней добраться до реки Малой, впадающей в Камыш-Самару (приток реки Урал). Интересно, что недалеко от устья Камыш-Самары, по преданиям, находилось одно из ранних поселений казаков на реке Урал – так называемый «Голубой городок», по всей видимости, смытый бурным течением. Об этом маршруте писал войсковой историк А.Б. Карпов и советский учёный Н.М. Малеча [26, С. 64; 30, С. 64]. В одном из актов за 1614 год так и говорится: «А переволочиться де им с Яика на Самарских вершинах, а переволоки будет день» [1, С. 25]. Таким маршрутом северным скитальцам вполне можно было добраться по речной системе на юг и влиться в волжско-яицкое казачество. Поселившись в Прикаспийско-Волжском регионе, эти северные уроженцы, очевидно, оставили элементы северно-русских культурных традиций в этнографическом комплексе волжан и уральских казаков.

Список литературы и источников

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Т. I. 595 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. I. 548 с.
3. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479-1571 гг. / Составитель И.З. Либерзон. Л.: Наука, 1988. 274 с.

4. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Книга 3. Приложение: Акты Лодомской церкви. СПб., 1908. Т. XXV. 1268 с.
5. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1838. 511 с.
6. Архангельский областной словарь / Под редакцией О.Г. Гецовой. М.: Издательство МГУ, Наука, 1980. Вып. 1.
7. Бахтов В.В. Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, реки Урал и старожилов Русского Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2 (50). С. 68-91.
8. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Университетская типография, 1846. 118 с.
9. Богуславский Г.К. К вопросу о беломорских казаках XVI в. // Труды 13-го археологического съезда в Екатеринославе. М.: Товарищество типографий А.И. Мамонтова, 1908. Т. 2. 806 с.
10. Большая советская энциклопедия. Т. 30. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1978. 632 с.
11. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII веках. М.: Соцэкгиз, 1962. 308 с.
12. Введенский А.А. Служащие и работные люди у Строгановых в 16-17 вв. // Труд в России: исторический сборник. Л.: Издательство Ленинградского губпрофсовета, 1924, Кн. №. 1 [11-12]. с. 54-71.
13. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.: Н.Я. Оглоблин, 1900. 674 с.
14. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: Аст-пресс книга, 2011. 448 с.
15. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. / Под редакцией А.Г. Манькова. М.; Л., 1979. Вып. I. 218 с.
16. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. Выпуск 4. С. 257-271.
17. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб.: А.С. Суворин, 1908. 411 с.

18. Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: очерки истории градостроительства. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 136 с.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Издательство М.О. Вольф, Т. I. 1880.
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Издательство М.О. Вольф, Т. II. 1881.
21. Документы о сражении при Молодях / Публикация В.И. Буганова // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166-183.
22. Елизаровский И.А. Лексика беломорских актов XVI-XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
23. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков. М.: Наука, 1970. 476 с.
24. Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Выпуск 1. С. 432-486.
25. Иваницкий Н.А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. СПб.: Типография князя В.П. Мещерского, 1898. Вып. I. С. 3-74.
26. Карпов А.Б. Уральцы. Уральск: Войсковая типография, 1911. 907 с., Приложения. 95 с.
27. Копанев А.И. Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Выпуск 1. С. 398-432.
28. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М.: Наука, 1970. 368 с.
29. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С. 223-243.
30. Малеча Н.М. Словарь говора уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. I. 491 с.
31. Малеча Н.М. Словарь говора уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. II. 592 с.
32. Малеча Н.М. Словарь говора уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002. Т. IV. 536 с.

33. Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. 516 с.
34. Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с.
35. Новгородский областной словарь / Подготовили А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2010. 1400 с.
36. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Составители Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. М.: Синодальная типография, 1915. 133 с.
37. Полное собрание русских летописей. СПб: Типография Э. Праца, 1841. Т. 3. 320 с.
38. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. Т. 12. 266 с.
39. Поморский город Соликамск / О.Ю. Опутин и др. Соликамск: [б.и.], 2010. 208 с.
40. Пономарев В.А. История Черевковской волости. Краеведческие материалы. Архангельск: ПомГУ, 2002. 147 с.
41. Савич А.А. Соловецкая вотчина в XV-XVII вв. Пермь: Общество исторических, философских и социальных наук при ПГУ, 1927. 288 с.
42. Середонин С. Наказ князю М.И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года // Записки императорского Русского Археологического общества. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. Т. VIII. Выпуск. 1-2. С. 49-62.
43. Словарь вологодских говоров / Под редакцией. Т.Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ; Русь, 2005. Выпуск 11. 220 с.
44. Словарь вологодских говоров / Под редакцией Т.Г. Паникаровской. Вологда: ВГПУ; Русь, 2007. Выпуск 12. 146 с.
45. Словарь русских народных говоров / Главный редактор Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1968. Выпуск 3. 360 с.
46. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1970. Выпуск 5. 344 с.
47. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1977. Выпуск 12. 368 с.
48. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1978. Выпуск 5. 392 с.
49. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под редакцией Ф.П. Филин. М.: Наука, 1980. Выпуск 7. 403 с.
50. Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 192-206.

51. Соловьев С.М. История России. Последние Юриковичи. М.: Олма Медиа Групп, 2013. 304 с.

52. Строгова В.П. К особенностям слов «казак» и «захребетник» в древнерусском языке и новгородских говорах // Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец: Областная типография, 1970. С. 162-166.

53. Судебники XV-XVI веков / Под общей редакцией Б.Д. Грекова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. 639 с.

54. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Вып. VII. Приложения: Соловецкий летописец второй половины XVI века. С. 217-236.

55. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М.: Издательство АН СССР, 1957. 336 с.

56. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Под редакцией К.Н. Сербиной. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 128 с.

57. Чайкина Ю.И. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв. // Северно-русские говоры. Л., 1979. Выпуск 3. С. 63-75.

References

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissieiu* [The historical records collected and published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, 1841, vol. I.
2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoiu ekspeditsieiu imperatorskoi Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. I.
3. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii kontsa XV-XVI v. Akty Solovetskogo monastyria, 1479-1571 gg.* [Acts of the socio-economic history of the North of Russia at the end of the 15th-16th centuries. Acts of the Solovetsky Monastery, 1479-1571] (comp. by I.Z. Liberson). Leningrad, 1988.

4. *Akty Kholmogorskoj i Ustiužskoj eparkhii. Kniga 3. Prilozhenie: Akty Lodomskoi tserkvi* [Acts of the Kholmogory and Ustyug eparchies. Book 3. Appendix: Acts of the Lodom Church]. Saint Petersburg, 1908, vol. XXV.
5. *Akty iuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva* [Legal acts, or a Collection of forms of ancient office work]. Saint Petersburg, 1838.
6. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary] (ed. by O.G. Getsova). Moscow, 1980, issue 1.
7. Bakhtov V.V. Istoriko-etnograficheskie paralleli russkogo naseleniia Nizh. Povolzh'ia, r. Ural i starozhilov Russkogo Severa [Historical ethnographic parallels of the Russian population of the Lower Volga, the Ural River and the old-timers of the Russian North]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii* [Historical and cultural problems of northern countries and regions], 2020, vol. 50, no. 2, pp. 68-91.
8. Beliaev I.D. *O russkom voiske v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha i posle ego, do preobrazovaniia, sdelannykh Petrom Velikim* [About the Russian army in the reign of Mikhail Fedorovich and after him, before the transformations made by Peter the Great]. Moscow, 1846.
9. Boguslavskii G.K. K voprosu o belomorskikh kazakakh XVI v. [On the question of the White Sea Cossacks of the XVI century]. *Trudy 13-go arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave* [Proceedings of the 13th Archaeological Congress in Yekaterinoslav]. Moscow, 1908, vol. 2.
10. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1978, vol. 30.
11. Vvedenskii A.A. *Dom Stroganovykh v XVI-XVII vv.* [The Stroganov Household in the XVI-XVII centuries]. Moscow, 1962.
12. Vvedenskii A.A. Sluzhashchie i rabotnye liudi u Stroganovykh v 16-17 vv. [Employees and working people of the Stroganovs in the 16th and 17th centuries]. *Trud v Rossii: ist. sb.* [The Labor in Russia: a historical collection]. Leningrad, 1924, vol. 1, no. 11-12, pp. 54-71.
13. Vladimirkii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Saint Petersburg, 1900.

14. Vorontsova Ju.B. *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [Dictionary of collective nicknames]. Moscow, 2011.
15. *Votchinnye khoziaistvennye knigi XVI v.* [«Votchinnye» household books of the XVI century] (ed. by A.G. Mankov). Moscow; Leningrad, 1979, issue I.
16. Vychegodsko-Vymskaia (Misailo-Evtikhievskaiia) letopis' ["Vychegodsko-Vymskaya" ("Misailo-Evtikhievskaya") chronicle]. *Istoriko-filologicheskii sb. Komi filiala AN SSSR* [Historical and Philological Collection of Komi branch AS USSR]. Syktyvkar, 1958, issue 4, pp. 257-271.
17. Gerbershtein S. *Zapiski o moskovitskikh delakh* [The Notes on Muscovite affairs]. Saint Petersburg, 1908.
18. Guryanov E.F. *Drevnie vekhi Samary: ocherki istorii gradostroitel'stva* [Ancient landmarks of Samara: essays on the history of urban planning]. Kuibyshev, 1986.
19. Dal V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorussskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Saint Petersburg; Moscow, 1880, vol. I.
20. Dal V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorussskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Saint Petersburg; Moscow, 1881, vol. II.
21. Dokumenty o srazhenii pri Molodiakh [Documents about the Battle of Molodi] (publ. by V.I. Buganov). *Istoricheskii arkhiv* [The Historical archive], 1959, no. 4, pp. 166-183.
22. Elizarovskii I.A. *Leksika belomorskikh aktov XVI-XVII vv.* [The vocabulary of the White Sea acts of the XVI-XVII centuries]. Arkhangelsk, 1958.
23. Zaozerskaia E.I. *U istokov krupnogo proizvodstva v russkoi promyshlennosti XVI-XVII vv.* [At the origins of large-scale production in the Russian industry of the XVI-XVII centuries]. Moscow, 1970.
24. Zimin A.A., Kopanov A.I. *Materialy po istorii Vymskoi i Vychegodskoi zemli kontsa XVI v.* [Materials on the history of the Vym and Vychegda lands of the end of the XVI century]. *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR* [Materials on the history of the European North of the USSR]. Vologda, 1970, issue 1, pp. 432-486.
25. Ivanitskii N.A. Sol'vychegodskii krest'ianin, ego obstanovka, zhizn' i deiatel'nost' [Sol'vychegda peasant, his situation, life and activity]. *Zhivaia starina* [The Living antiquity]. Saint Petersburg, 1898, issue I, pp. 3-74.

26. Karpov A.B. *Ural'tsy* [The Ural Cossacks]. Uralsk, 1911.
27. Kopanev A.I. Kurostrovskie stolbtsy XVI v. [Kurostrovsky columns of the 16th century]. *Materialy po istorii Evropeiskogo Severa SSSR* [Materials on the history of the European North of the USSR]. Vologda, 1970, issue 1, pp. 398-432.
28. Koretskii V.I. *Zakreposhchenie krest'ian i klassovaia bor'ba v Rossii vo vtoroi pol. XVI v.* [The enslavement of peasants and the class struggle in Russia in the second half of the 16th century]. Moscow, 1970.
29. Koretskii V.I. Solovetskii letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky chronicler of the late 16th century]. *Letopisi i khroniki. 1980 g. V. N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniia* [Annals and chronicles. 1980 V.N. Tatishchev and the study of Russian chronicle writing]. Moscow, 1981. pp. 223-243.
30. Malecha N.M. *Slovar' govora ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Dictionary of Ural (Yaitsky) Cossacks]. Orenburg, 2002, vol. I.
31. Malecha N.M. *Slovar' govora ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Dictionary of Ural (Yaitsky) Cossacks]. Orenburg, 2002, vol. II.
32. Malecha N.M. *Slovar' govora ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [Dictionary of Ural (Yaitsky) Cossacks]. Orenburg, 2002, vol. IV.
33. Mosin A.G. *Ural'skii istoricheskii onomastikon* [The Ural historical onomasticon]. Yekaterinburg, 2001.
34. Nazarov A.I. *Ocherki po istorii familii ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [The Essays on the history of surnames of the Ural (Yaitsky) Cossacks]. Almaty, 2003.
35. *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [The Novgorod regional dictionary] (comp. by A.N. Levichkin, S.A. Myznikov). Saint Petersburg, 2010.
36. *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo iazyka v Evrope* [The Experience of dialectological map of the Russian language in Europe] (comp. by N.N. Durnovo, N.N. Sokolov, D.N. Ushakov). Moscow, 1915.
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Saint Petersburg, 1841, vol. 3.
38. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Saint Petersburg, 1901, vol. 12.

39. *Pomorskii gorod Solikamsk* [The Pomeranian city of Solikamsk] (comp. by O.Yu. Oputin and others). Solikamsk, 2010.
40. Ponomarev V.A. *Istoriia Cherevkovskoi volosti. Kraevedcheskie materialy* [History of the Cherevkovskaya volost. Local history materials]. Arkhangelsk, 2002.
41. Savich A.A. *Solovetskaia votchina v XV-XVII vv.* [Solovetsky patrimony of the XV-XVII centuries]. Perm, 1927.
42. Seredonin S. Nakaz kniazuiu M.I. Vorotynskomu i rospis' polkam 1572 goda [The instruction to prince M.I. Vorotynsky and the regimental register of 1572]. *Zapiski imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society]. Saint Petersburg, 1896, vol. VIII, issue 1-2, pp. 49-62.
43. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects] (ed. by T.G. Panikarovskaya). Vologda, 2005, issue 11.
44. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects] (ed. by T.G. Panikarovskaya). Vologda, 2007, issue 12.
45. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] (ed. by F.P. Filin). Leningrad, 1968, issue 3.
46. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, 1970, issue 5.
47. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, 1977, issue 12.
48. *Slovar' russkogo iazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow, 1978, issue 5.
49. *Slovar' russkogo iazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries] (ed. by F.P. Filin). Moscow, 1980, issue 7.
50. Solovetskii letopisetsy vtoroi poloviny XVI v. [Solovetsky chronicler of the second half of the 16th century]. Tikhomirov M.N. *Russkoe letopisanie* [Russian chronicle]. Moscow, 1979, pp. 192-206.
51. Soloviev S.M. *Istoriia Rossii. Poslednie Riurikovichi* [Russian history. The last Rurikovichs]. Moscow, 2013.
52. Strogova V.P. K osobennostiam slov «kazak» i «zakhrebetnik» v drevnerusskom iazyke i novgorodskikh govorakh [On the peculiarities of the words "Cossack" and "zahrebetnik" in the Old Russian language and Novgorod dialects]. *Voprosy izucheniia severno-russkikh govorov i*

- pamiatnikov pis'mennosti* [Issues of studying the North Russian dialects and written monuments]. Cherepovets, 1970, pp. 162-166.
53. *Sudebniki XV-XVI vekov* [Judicial codes of the XV-XVI centuries] (ed. by B.D. Grekov). Moscow; Leningrad, 1952.
 54. Tikhomirov M.N. Maloizvestnye letopisnye pamiatniki [Little-known chronicle monuments]. *Istoricheskii arkhiv. Prilozheniia: Solovetskii letopisets vtoroi poloviny XVI veka*. [The Historical Archive. Appendices: Solovetsky chronicler of the second half of the 16th century]. Moscow, 1951, issue VII, pp. 217-236.
 55. Ustiugov N.V. *Solevarennaiia promyshlennost' Soli Kamskoi v XVII v.* [Salt industry of Solikamsk in the XVII century]. Moscow, 1957.
 56. *Ustiuzhskii letopisnyi svod (Arkhangelogorodskii letopisets)* [Ustyug Chronicle Code (Arkhangelsk chronicler)] (ed. by K.N. Serbina). Moscow; Leningrad, 1950.
 57. Chaikina Iu.I. Nazvaniia lits po remeslu i zaniatiiam v delovoi pis'mennosti Russkogo Severa XVI-XVII vv. [Names of persons by craft and occupation in the business writing of the Russian North in the 16th-17th centuries]. *Severno-russkie govory* [Northern Russian dialects]. Leningrad, 1979, issue 3, pp. 63-75.